

— НОВАЯ АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА —

— Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ —

РИМСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

УДК 94(37).03/05

ББК 63.3(0)32

З 495

Зелинский Ф. Ф.

З 495 Римская республика. – СПб.: Алетейя, 2017. – 440 с. – (Серия «Новая античная библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-906823-37-3

Издательство «Алетейя» продолжает публиковать труды выдающегося ученого Ф. Ф. Зелинского (1859–1944). «Римская Республика» – название, которое дал этой части автор, значительно уже ее содержания. Ученый в «Римской Республике» живо и увлекательно описывает не только историю Рима с самого его возникновения из небольшого пастушеского селения вплоть до падения Республики, но, по крайней мере, частично излагает историю ряда государств Средиземноморского ареала, по очереди попадавших в орбиту интересов Рима – Карфагена, Пергама, Сирии, Египта и греческих городов и союзов.

Благодаря Зелинскому читатель становится свидетелем всех конфликтов – внешних и внутренних, общественных и политических, приводивших к взлетам и падению многих известных, да и неизвестных доселе государственных мужей, полководцев, заговорщиков, реформаторов. И хотя с момента написания работы в научном мире появилось много новых источников, документов, открыто огромное количество новых памятников материальной культуры, опровергающих или уточняющих некоторые выводы ученого, работа Зелинского остается интересной для всех читателей.

Перевод осуществлен с издания: *Tadeusz Zieliński. Rzeczpospolita Rzymska*. Katowice: Śląsk, 1989.

УДК 94(37).03/05

ББК 63.3(0)32

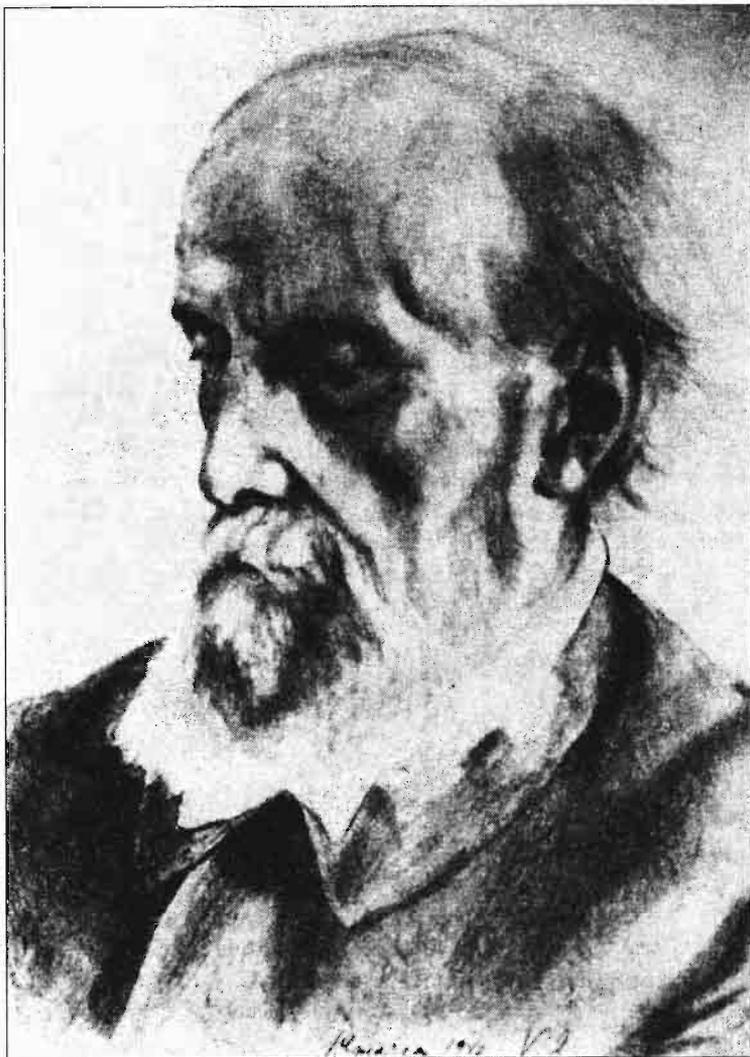
ISBN 978-5-906823-37-3

9 785906 823373

© Н. А. Папчинская, перевод с польского, подбор иллюстраций, 2002

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Ф. Ф. Зелинский.
Портрет, сделанный его дочерью Вероникой
(Карандаш. 1940 г.)

I. ЦАРСКИЙ ПЕРИОД

1

ОСНОВАНИЕ РИМА

В незапамятные времена, когда и Спарта и Афины в Греции представляли собой еще небольшие государства, в Италии, на берегах Тибра, зародился город, которому было предназначено стать властелином мира. Это был Р и м. Позднее датой основания Рима стали считать 753 год до н. э.; о том, как происходило возникновение города, рассказывает историческая традиция.

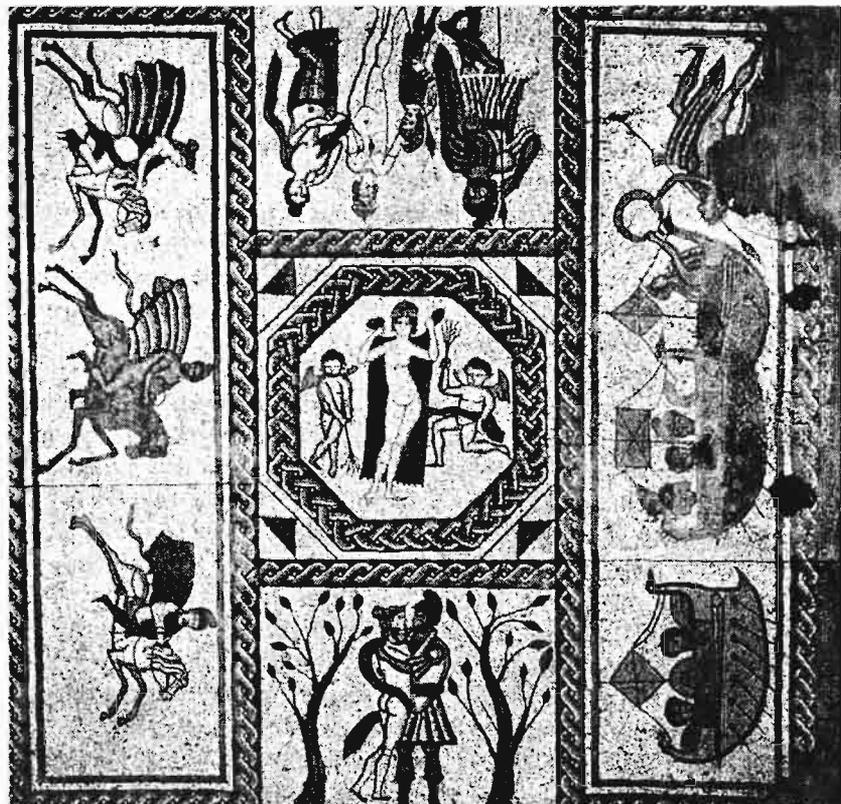
После разрушения Трои Э н е й, член семьи погибшего царя Приама, с группой троянских бойцов отправился на поиски нового местожительства. Согласно предсказанию оракула Эней должен был в далекой Италии основать новую Трою. Но не сразу он нашел путь к земле обетованной: буря прибила его корабли к берегам Северной Африки, где незадолго до этого финикийская царица Дидона, бежавшая из Тира, основала город Карфаген.

Дидона милостиво приняла путника, и Эней со своей дружиной провел у нее долгое время. Казалось, что троянский герой станет мужем Дидоны и царем в ее городе. Но вещий сон напомнил Энею о его миссии; с болью в сердце он покинул свою великодушную хозяйку. Дидона не вынесла разлуки, она бросилась в костер, моля богов о том, чтобы из ее праха восстал мститель за ее поруганную любовь.

Эней со своими спутниками поплыл дальше; после многочисленных странствий он добрался до места, где река Т и б р, пересекая бесплодные поля, впадает в море. Жившим там народом правил тогда Л а т и н; от его

имени якобы и народ получил название латинов. Добродетельный царь был посвящен в намерения богов и знал о миссии своего гостя; он не только дружески принял Энея, но и готов был отдать ему в жену дочь Л а в и н и ю, чтобы обеспечить своему роду судьбу, предназначенную герою. Однако жена Латина, А м а т а, и слышать не хотела о том, чтобы троянский бродяга стал ее зятем; она благосклонно относилась к молодому царю рутулов Т у р н у, который давно претендовал на руку Лавинии. Вспыхнула война. Эней убил Турна, получил Лавинию в жены и основал город, названный в честь царицы Л а в и н и й.

Потомки Энея переселились из лежащего на равнине Лавиния в построенный на холме город А л ь б у («Белый»), протянувшийся вдоль берега Альбанского озера (совр. Альбано), который с тех пор стал называться Альба Лонга («Долгий»).

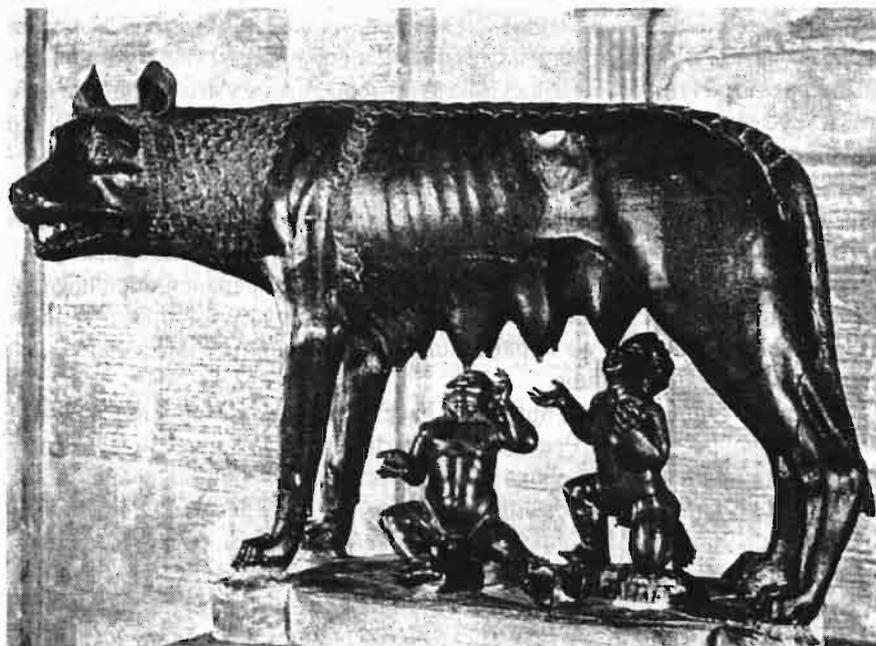
История Энея. Мозаика из Лоу Хэм (Англия). IV в. до н. э.

Через несколько поколений после царей из рода Энея трон достался некоему Нумитору, человеку доброму и спокойному. Но именно мирный характер Нумитора вызвал преступные надежды у его младшего брата, Амулия; последний лишил Нумитора трона и убил его сына. Однако узурпатор недолго наслаждался плодами своего преступления. У Нумитора была дочь по имени Рея Сильвия, Амулий отдал ее в жрицы девственной богини очага общины, Весты. Обязанностью весталок было поддерживать вечный огонь на алтаре богини; они не имели права выходить замуж. Отдавая Рею в весталки, Амулий намеревался обречь ее на вечную девственность, дабы она не могла родить будущего мстителя за Нумитора. Но расчеты не оправдались: от бога войны Марса Рея Сильвия родила двух близнецов.

Амулий, узнав об этом, пришел в ярость, и приказал бросить в реку и мать, и новорожденных. Рея Сильвия погибла, но дети спаслись, потому что царский палач сжалился над ними и оставил младенцев в корзине на мелкой воде Тибра. Волны выбросили корзину на берег. На плач близнецов прибежала волчица и накормила их своим молоком. Вскоре их нашел царский пастух Фаукул; увиденное зрелище показалось ему необычным, и так как он знал о несчастье, постигшем Рею Сильвию, то легко догадался, чьи дети перед ним. Фаукул осторожно поднял младенцев и отнес их к своей жене. Дети, воспитанные в пастушеской семье, стали, разумеется, пастухами; они получили имена Ромул и Рем. В то время пастухам приходилось защищать свои стада не только от диких зверей, но и от алчности других пастухов; вооруженные стычки были явлением обычным, и естественно, что отвага и сила ценились весьма высоко. Ромул и Рем вскоре стали предводителями остальных молодых пастухов.

В одном из столкновений Рем попал в плен; но его противниками оказались люди Нумитора, поэтому пленника отправили для наказания к изгнанному царю, его деду. Фаукул испугался и, чтобы предотвратить несчастье, раскрыл тайну и своим воспитанникам, и Нумитору. Юноши решили вернуть деду трон и власть; вместе со своими товарищами они напали на царский дворец и убили Амулия. Нумитор вновь был провозглашен царем Альбы.

Но Ромул и Рем не захотели оставаться в городе, где пролилась кровь их рода; с согласия Нумитора они решили основать новый город в том месте, куда их вынесли волны Тибра. Там возвышался холм Палатин, граничивший с другим холмом, меньшим по площади, но более высоким, под названием Капитолий. Собственно город братья задумали построить на Палатине, а на Капитолии — одну вершину превратить в крепость, другую — посвятить богу, владыке неба и молний.

*Капитолийская волчица. Бронза. V в. до н. э.
(фигурки Ромула и Рема исполнены в эпоху Возрождения на месте утраченных античных). Рим, Дворец консерваторов*

К нему же братья вознесли молитвы, чтобы он соблаговолил указать, который из близнецов должен дать имя новому городу и стать его царем. Чтобы лучше понять волю бога, Ромул и Рем разделили небесный свод на две части и каждый из братьев искал знаки на своей половине. Вскоре на половине Рема появилось шесть орлов. Юноша торжествовал победу, но на половине Ромула появилось двенадцать птиц. Этот знак был более благоприятным, ибо предсказывал новому городу существовать двенадцать веков, что и исполнилось с удивительной точностью. Всеобщее ликование заставило Рема уступить удаче брата. Ромул стал царем и назвал город своим именем — Рома (Рим).

Итак, Рем сдался, но в душе затаил гнев и стал думать, как ослабить значение предсказания, полученного братом. Вскоре такая возможность ему представилась: во время строительства стены вокруг города Рем перескочил через нее, когда высота была в половину человеческого роста. Разгневанный Ромул убил брата со словами: «Так погибнет каждый, кто осмелится переступить через мои стены!»

Первыми жителями города были молодые пастухи, ровесники Ромула. Чтобы пополнить их число, царь объявил пространство, лежащее между вершинами Капитолия, местом, гарантирующим неприкосновенность каждому, спасающемуся от преследования (*asilum*). Вскоре туда стали переселяться юноши из окрестных поселений. Новая община быстро росла, превращаясь в буйную и воинственную шайку, опасную для соседей. Жители из соседних племен неохотно отдавали своих дочерей в жены палатинским разбойникам, и очень немногие из них обзавелись семьями.

Чтобы решить эту проблему, Ромул придумал следующий план: он устроил празднества и игры в честь бога посевов и земледелия, Конса, пригласил на пир своих соседей; отказ приехать на торжество был бы равносителен оскорблению бога, поэтому все приглашенные прибыли на праздник; в их числе были сабиняне из близлежащего города К у р ы, они пришли со своими женами и дочерьми. На это и рассчитывал Ромул. Во время празднества по данному им знаку римляне набросились на молодых участниц пира и увели их в свои дома.

«Похищение сабинянок» не могло остаться безнаказанным. Квириты, жители Кур, начали готовиться к войне. Военные приготовления продолжались довольно долго; за это время сабинянки успели привыкнуть к новым мужьям, а Герсилия, жена Ромула, даже гордилась положением царицы Рима. Война тем не менее началась. Сабиняне под предводительство царя Т и т а Т а ц и я осадили Капитолий, но в течение долгого времени не могли его взять. Однажды дочь начальника, руководившего обороной Капитолия, Тарпея, спустилась в долину за водой. Ее тотчас окружили сабиняне и предложили высокую награду, если она откроет ворота Капитолия. Сабиняне были богаты — на руке каждого из них сверкал золотой браслет, невиданная роскошь для римлян. Соблазн был велик. «Если пообещаете мне то, что носите на левой руке, — сказала она, — я готова исполнить вашу просьбу». Сабиняне обещали наградить девушку и отпустили ее. Тарпея сдержала слово, и на следующий день сабиняне овладели Капитолием. Когда предательница явилась за обещанной наградой, Таций приказал своим воинам забросать ее щитами, которые, как и браслеты, они носили в левой руке; Тарпея погибла под тяжестью щитов, а склон Капитолия, по которому она провела врагов, римляне назвали Тарпейской скалой (*Saxum Tarpeium*). Тарпею же навсегда прокляли. С той поры с этой скалы сбрасывали тела преступников.

Итак, сабиняне стали хозяевами Капитолия, а судьба Палатина зависела от исхода битвы. Но когда оба войска встали друг против друга в боевом порядке, между противниками кинулась Герсиния вместе с другими сабинянками, умоляя своих отцов и братьев не допустить позорного кровопролития. Сабиняне опустили оружие: тести и свекры вынуждены

были помириться со своими зятьями. Мир был скреплен союзом, союз — совместным проживанием. Римляне уступили квиритам холм, занятый последними во время подготовки осады Капитолия, и с того момента он стал называться К в и р и н а л о м. Ложбина между тремя холмами (Палатином, Капитолием и Квириналом), так называемый Форум, превратилась в место для торговли и общественных собраний.

Поначалу каждая из общин имела своего царя, но после смерти Тация они окончательно объединились. Было решено, что во время войны оба народа будут именоваться р и м л я н а м и, а в дни мира — к в и р и т а м и. Позже обитатели Палатина заняли соседние холмы, А в е н т и н и Ц е л и й, а жители Квиринала — В и м и н а л и Э с к в и л и н: так образовались известные и поныне «семь холмов» Рима.

2

РИМ ПРИ ПЕРВЫХ ЦАРЯХ

Предание гласит, что преемником Ромула был сабинянин Н у м а П о м п и л и й. Римляне считали его первым законодателем и творцом культа богов. Высшими богами Нума провозгласил трех — Марса, Квирина и Юпитера.

Первый поначалу был богом латинского Рима, второй — города сабинян, Кур, а третий — общим для обоих племен. Старшие жрецы, фламинны (flamines) были служителями этих богов. Еще при Ромуле существовала коллегия авгуров (augures), определявших будущее по полету птиц; Нума учредил коллегия понтификов (pontifices), которая решала все вопросы, связанные с религией. Самому старшему из понтификов Нума отдал власть над коллегией весталок, позаимствованной из Альба Лонги. Как упоминалось выше, весталки охраняли вечный огонь Весты в небольшом круглом храме на Форуме. Других храмов в Риме еще не было, не создавали и статуй божеств.

Нума войн не вел; мирный характер своего правления он подчеркнул многозначительным приказом запереть военные ворота. Эти ворота были посвящены Янусу, богу всякого начала и намерения, имя которого существует и поныне в латинском названии месяца январь (Januarius). Римляне называли военные ворота просто Янусом. Стоит отметить тот факт, что со времен Нумы и до начала нашей эры ворота запирались всего два раза.

Укрепив свои силы в царствование Нумы, народ готов был к новым войнам в правление его преемника, отважного Т у л л а Г о с т и л и я (Tullus Hostilius). В то время Альба Лонга, предтеча Рима, главенствовала над латинскими городами, образующими своего рода одну семью среди

Нума Помпилий. Рим, Вилла Альбани

прочих италийских племен: гражданин одного города мог приобрести земельную собственность в другом (*ius commercii*), взять в жены дочь гражданина данного города (*ius connubii*). Но Рим уже стал значительно сильнее Альбы, и Тулл Гостилий постановил добыть для Рима право гегемонии. Предлог для войны вскоре нашелся. Во время подготовки к ней внезапно умер царь Альбы и народ назначил **М е т т и я С у ф е т и я** (Фуфетия) **д и к т а т о р о м** — так по-латински называли вождей с неограниченной властью, вождей, выбиравшихся на время войны. Желая избежать кровопролития, Суфетий предложил царю Рима решить вопрос о гегемонии при помощи поединка между представителями обоих городов. Тот согласился. Самыми достойными из римлян были три брата-близнеца из рода Горациев, из альбанцев — три юноши из рода Куриациев. Им и доверили сразиться за свой город, остальные воины обеих сторон могли лишь присутствовать на решающем поединке в качестве зрителей.

Поначалу счастье было на стороне Куриациев: двое Горациев погибли, третий, невредимый, начал отступать. Альбанцы уже торжествовали победу. Римляне, видя смерть своих двух воинов и трусость третьего, пришли в отчаяние. Однако скоро выяснилось, что отступление последнего Горация было вызвано не трусостью, а расчетом: враги были изранены; преследуя противника, они значительно отделились друг от друга. На это и рассчитывал Гораций: внезапно обернувшись, он оказался лицом к лицу с преследующим его противником и молниеносным ударом сразил первого, а затем и остальных врагов; сняв с них плащи, Гораций возвратился в Рим победителем с трофеями.

Весь Рим вышел его встречать; во главе шли престарелый отец и юная сестра героя. Однако радость девушки сменилась отчаянием: на плече брата она увидела плащ, собственноручно ею вытканый для своего жениха, одного из Куриациев. Слово страшное предзнаменование прозвучало ее страдальческий стон среди торжествующих криков граждан. Гораций не смог стерпеть подобного оскорбления, выхватил меч и зарубил сестру со словами: «Пусть так погибнет каждая римлянка, осмелившаяся сожалеть о смерти врага!» Народ замер, пораженный ужасом: любимый ими герой мгновенно превратился в убийцу, заслуживающего смертной казни.

Судить мог только царь. Теперь он должен был или осудить спасителя Рима, или, простив, тем самым нарушить закон. «Обратись к народу, — сказал царь преступнику, — пусть он решит твою судьбу».

Это был первый случай решения дела подобным образом, и с тех пор такой порядок стал обязательным. Каждый гражданин, приговоренный к смерти, имел право «обратиться к народу» (*provocare ad populum*) и не мог быть наказан вопреки его, народа, воле.

Народ собрался на суд. Отец Горация умолял простить его сына, чтобы не лишиться последней опоры в старости. Народ внял его мольбе и простил юношу, но приказал ему искупить совершенное преступление следующим образом: на одной из улочек города укрепили над землей брус и провели под ним преступника с покрытой, низко склоненной головой. Брус этот существовал долго; народ прозвал его «сестрин брус» (*tigillum sorogium*), глядя на него, все вспоминали предание о героическом подвиге и проступке Горация.

Тем временем побежденная Альба ждала распоряжений победителя. Царь Гостилий, рассчитывая на помощь альбанцев против нового врага, приказал Суфетию не распускать его армию. Причина такого решения была в том, что на территории к северу от Тибра находилось могущественное племя *э т р у с к о в*. Из множества городов, принадлежащих им, ближе всего к Риму находился город Вейи (*Veii*), с которым постоянно

происходили столкновения. Суфетий для вида согласился, но в душе задумал измену: он послал к врагам гонца, предлагая принять сражение и обещая в решительный момент перейти на их сторону. Так и произошло. При виде покидавших поле боя альбанцев среди римлян возникло замешательство. Тогда Тулл Гостилий, моментально оценив обстановку, громко крикнул: «Не бойтесь, альбанцы отходят по моему приказу, чтобы ударить врагу в тыл». Его слова услышали воины Вей и пришли в ужас, думая, что Суфетий их обманул. Римляне воспользовались замешательством противника, смело бросились на врага и вскоре одержали полную победу.

Суфетий не без тревоги прибыл поздравить Гостилия с победой. Тот молча выслушал его поздравления, созвал своих воинов и в их присутствии объявил свой приговор:

— Подобно тому, как ты разделил душу свою между двумя народами, так и тело твое будет теперь разделено на части.

Сказав это, царь потребовал привезти две боевые колесницы, запряженные четверкой лошадей. Изменника привязали к одной из них за руки, к другой — за ноги. Возницы погнали коней в разные стороны и разорвали предателя.

Альбанцам было приказано переселиться в Рим и заселить холм Целий; город Альба Лонга был разрушен.

Занятый всецело войной Гостилий мало внимания уделял культу богов, введенному его предшественником. Но пришло время болезней и старости, он вспомнил о богах и начал тщательно изучать книги Нумы. О Нуме рассказывали, что путем тайных обрядов тот мог вызывать самого Юпитера и общаться с ним с глазу на глаз; естественно, что и Гостилий постарался вникнуть во все подробности этих обрядов. Когда он счел, что в достаточной мере ими овладел, то направился один на Капитолий. Некоторое время там было тихо, но вдруг тишину разорвал оглушительный гром. Царская свита бросилась на вершину холма, но обнаружила лишь мертвое тело Гостилия, столь бездарно пытавшегося приблизиться к богу-громовержцу.

Преемник Гостилия, четвертый царь Рима **А н к М а р ц и й** (Ansus Marcius), помня судьбу предшественника, в области богопочитания старался во всем подражать своему деду, Нуме, однако при этом он не пренебрегал и военными вопросами. Латинские города с трудом признавали гегемонию победителя Альбы, поэтому во время правления этого незлобивого царя врата Януса практически все время держались открытыми.

Как видно из вышесказанного, царская власть в Риме не была наследственной: после смерти правителя народ **в ы б и р а л** преемника. В периоды междоцарствия в силу обстоятельств власть принадлежала царскому

совету — так называемому с е н а т у. Согласно традиции, сенат был создан еще Ромулом из наиболее приближенных к нему «отцов семейств» (*patres familias*). Их потомков называли п а т р и ц и я м и. Остальные римляне, не принадлежавшие к патрициям, составляли так называемый п л е б с. Они не входили в состав сената, не могли заниматься определением воли высшего божества по полету птиц (*auspicia*); плебеи служили в войске и поэтому имело право голосования в народных собраниях, созываемых по так называемым т р и б а м (*tribus*). Трибы соответствовали греческим ф и л а м (*phyle*); в Риме было три трибы, одна — из коренных римлян Ромула (*ramnes*), другая — из сабинян Тита Тация (*Titius*), третья, видимо, из альбанцев, переселенных при Гостилии. Каждая *tribus* состояла из десяти курий (*cugiae*), поэтому и народное собрание, созывавшееся по трибам, называлось *comitia cugiata*.

Анк Марций вынужден был переселять в Рим покоренных им латинян; их, однако, не принимали в сословие патрициев, они не могли и образовывать новые трибы. Все переселенцы становились плебеями, поэтому многие исследователи считают Анка создателем римского плебса. Бесспорно, что в его правление количество плебеев в Риме значительно выросло.

3

ТАРКВИНИИ

После смерти Анка Марция на римском троне мы видим уже не римлянина, а этруска, выходца из этрусского города Тарквиния, — Т а р к в и н и я П р и с к а (*Tarquinius Priscus*). Его называли Древним, Старшим, чтобы отличить от другого царя с тем же именем, но правившего позднее, и о нем речь пойдет ниже. Присутствие на римском троне неримлянина традиция объясняет тем, что Тарквиний, переселившись из родного города в Рим, приобрел там большое влияние благодаря своему богатству; однако более правдоподобным представляется простое объяснение: этрусский царь завоевал Рим и сделал его своей столицей. В любом случае не вызывает сомнений, что именно Тарквинию Рим обязан своим необычайным расцветом; помимо земель, принадлежащих Риму, Тарквинию подчинялись и значительная часть Этрурии, и многие латинские города. Этрурия, благодаря оживленным связям с Грецией, была намного цивилизованней своего южного соседа, теперь эта цивилизация начала проникать и в Рим. Тогда-то и возникла идея строительства храма на Капитолии. Разумеется, Тарквиний хотел посвятить этот храм прежде всего Юпитеру, но в качестве «совладелец» он назначил латинскую Юнону и этрусскую Минерву (греки отождествляли последнюю с Афиной). Но этот обет исполнил позднее его сын.

*Статуя Юноны Соспита (покровительница города) из Ливиния.
II в. н. э. Ватикан, Музей Пио Клементино*

Следует отметить, что под влиянием красоты религии греков Тарквиний достаточно пренебрежительно относился к древним установлениям Нумы. Рассказывали, что когда для военных нужд ему понадобилось увеличить численность конницы, этому воспротивился авгур А т и й Н е в и й, заявив: «Ромул создавал свою конницу, следуя ауспiciям, потому и изменять ее численность без ауспiciй непозволительно». Тарквиний иронически возразил: «Если ты так веришь своим птицам, то скажи мне — возможно ли сделать то, о чем я в эту минуту подумал?» Атий совершил полагающиеся для гадания по полету птиц обряды и ответил: «Да, это возможно». «Отлично, — отвечал царь. — Я подумал о том, чтобы ты бритвой рассек оселок». Оба предмета оказались под рукой. Не колеблясь ни минуты, Атий схватил бритву и ударил ею по оселку, который тут же распался на две половины. Увидев такое чудо, Тарквиний отказался от своих нововведений, а Атию приказал соорудить памятник — первую в Риме статую человека.

Проявлением могущества Тарквиния было установление им права престолонаследия для своего рода. Правда, умирая, он оставил двух своих сыновей еще несовершеннолетними, и потому трон занял его зять, шестой римский царь — С е р в и й Т у л л и й (Servius Tullius). Его царствование имело большое значение для Рима: подобно Солону, он разделил все свободное население на пять имущественных классов. От принадлежности к тому или иному классу зависели размер налога, уплачиваемый в казну, и род военной службы: самые богатые граждане I класса служили в коннице (equites), пехоте и должны были являться в полном вооружении. Воины V класса являлись в строй легковооруженными. Сервий Туллий считал, что только защитник отечества имел право решать ее судьбу, поэтому на народные собрания созывались лишь те граждане, которые служили в войске; войско комплектовалось на основе ц е н т у р и й (сотни), имущественной классификации римских граждан; центурия стала теперь и голосующей единицей. Созвав граждан, царь задавал им вопрос: «Хотите ли вы, квириты, чтобы то-то и то-то было исполнено?» Каждый гражданин отвечал «да» или «нет», и мнение большинства считалось мнением всей центурии. Потом подсчитывались голоса всех центурий (каждая имела один голос), и мнение большинства их считалось выражением воли народа. Такое голосование называется опосредованным; в Афинах, например, голосование было прямым, на народном собрании подсчитывали голоса всех граждан, и волю народа решало их большинство. Римляне очень гордились голосованием по центуриям, полагая, что такая форма способствует поддержанию порядка на народных собраниях. Другой характерной чертой римского народного собрания было то, что выступать

там мог только царь или другое официальное лицо; народ же отвечал либо «да», либо «нет», но ораторов из своей среды выдвигать не мог.

Так выглядели организованные Сервием Туллем «центуриатные комитии» (*comitia centuriata*), или «центуриатное собрание». Но, предоставляя народу такие права, царь не хотел, чтобы бедные, которые составляли очевидное большинство, имели преимущество перед богатыми, ибо он полагал, что богатые больше жертвовали в пользу страны, а потому и должны обладать большим влиянием. Итак, богатые люди получили больше центурий, чем люди среднего достатка; центурия богатых была численно меньше, а, следовательно, голос каждого ее представителя имел больший вес, чем в центурии бедных. Вот почему систему Сервия Туллия мы называем *аристократической*. Принадлежность к той или иной группе зависела от материального положения гражданина, а поскольку его имущественное положение часто менялось, возникла необходимость регулярно проводить оценку этого имущества. Такие оценки, переписи, организованные весьма торжественно, римляне называли *цензом* (*census*).

Другой большой заслугой Сервия Туллия считается возведение стены вокруг Рима и всех его семи холмов. Остатки Сервиевой городской стены сохранились до наших дней.

Римляне всегда с большой благодарностью вспоминали этого царя, жизнь которого сложилась крайне несчастливо.

Мы уже упоминали, что после смерти Тарквиния Приска остались два его сына — *Луций* и *Аррунт*. Первый из них был человеком страстным и вспыльчивым, второй — спокойным и кротким. Признавая их законными престолонаследниками, Сервий Туллий выдал за них своих дочерей, причем мягкую за Луция, а страстную за Аррунта, надеясь, что в обоих случаях более рассудительный из супругов окажет благотворное влияние на другого. Но его расчеты не оправдались. Более необузданная из двух Туллий (*Tulliae*) — ибо так, согласно римской традиции, звали дочерей Сервия Туллия, сумела сойтись с тем из царских сыновей, кто был ей по характеру ближе. Вскоре внезапно умер Аррунт, а вслед за ним и кроткая Туллия, после чего Луций женился на овдовевшей невестке, подтвердив этим непристойным союзом достоверность слухов о свершении двойного преступления.

У старого Туллия не было ни желаний, ни сил преследовать преступников в собственной семье, а между тем Луций, подстрекаемый нетерпеливой супругой, начал разными путями вербовать своих сторонников. Когда он собрал достаточное их количество, то приказал гражданам явиться на Форум, к зданию сената, «к царю Тарквинию». Многие удивлялись: «Что это значит? Неужто старый Сервий умер?» На собрание пришел

и престарелый царь со свитой. Именно этого и ожидал Тарквиний: по данному им знаку его сторонники напали на свиту Сервия. Сам Тарквиний схватил старого царя, пронес его через все здание к выходу и грубо вышвырнул на площадь. Сервий надеялся уйти во дворец, чтобы вернуться с отрядом дворцовой стражи. Тарквиний послал вдогонку вооруженных палачей, которые настигли старика на одной из узких улочек, ведущих к Эсквилину, и зверски убили его.

Вскоре о случившемся стало известно во всем городе; обрадованная Туллия нарядилась в царские одежды и отправилась в колеснице в сенат. Радостная и гордая, приблизилась она к мужу: «Поздравляю тебя, царь Тарквиний!» — «Возвращайся домой, — мрачно ответил муж, — женщинам здесь не место». Краска залила лицо царицы. Не помня себя от стыда и гнева, она вскочила в свою повозку и приказала гнать на Эсквилин, к царскому дворцу, чтобы занять его в качестве царицы. Быстро помчалась повозка; улицы были пустыни, ибо страх заставил всех попрятаться по своим домам. Вдруг повозка встала. Что случилось? Возница, онемев от ужаса, указал на безжизненное тело, лежащее поперек дороги, — Туллия узнала в нем своего отца. Безумие окончательно овладело ею: вырвав плеть из рук возницы, она хлестнула лошадей, и те пронеслись по телу убитого царя. Кровь брызнула из свежих ран и забрызгала одежду новой царицы. С таким отцовским «благословением» вошла Туллия в его покой. Народ по-своему увековечил ее поступок: переулок, на котором произошла трагедия, получил название «Злодейского» (*Vicus Sceleratus*).

Царь Сервий Туллий благодаря своей кротости и справедливости оставил в народе добрую память. Его преемник был полной противоположностью: он не считался с мнением сената и даже не назначал вместо умерших новых сенаторов; всеми делами занимался сам; относившихся к нему враждебно граждан приговаривал к смерти, — одним словом, поступал подобно греческим тиранам Периандру или Гиппию, за что и получил прозвище Тарквиний Гордый (*Tarquinius Superbus*).

Однако в военных делах и в отношении с соседними государствами он показал себя энергичным и мудрым правителем; благодаря удачным и выгодным договорам он добился расширения власти Рима и к северу от Тибра — над этрусками, и к югу — над латинами и родственными им племенами. Так он превратил свое царство в величайшую державу Италии.

В то же время возрастало влияние Греции как в Этрурии, так и на юге от Лация, в так называемой Кампании, где находилась знаменитая греческая колония Кумы (*Cumae*). Рассказывали, что однажды к Тарквинию пришла из этого города некая таинственная старушка и предложила ему купить девять исписанных свитков неизвестного содержания. Женщина запросила за них непомерно высокую плату; царь со смехом отказался. Тогда она бросила три свитка в огонь, а за остальные попросила ту же

сумму. Царь назвал ее безумной. И снова в огонь полетели три свитка, но и последние предлагались за прежнюю цену. Настойчивость женщины заставила Тарквиния задуматься, и он уступил ее требованию. В тот же миг старуха исчезла, оставив в руках царя три таинственных свитка. Оказалось, что это были пророчества на греческом языке, написанные гекзаметром; они указывали городу пути спасения в случае несчастья. Тарквиний понял, что под видом старухи к нему явилась бессмертная пророчица Аполлона С и в и л л а из Кум.

Полученные свитки, так называемые «Оракулы Сивиллы» (Oracula Sibyllina), Тарквиний отдал для изучения и хранения специальной коллегии (sacrosanctum), которая получила то же значение, что и основанная Нумой

*Этруская урна из Канопы. VII в. до н. э.
Флоренция, Археологический музей*

коллегия понтификов. В коллегию обращались, если городу грозило несчастье, и на основании предсказаний «Сивиллиных книг» назначались обряды в честь тех или иных богов. Обряды, равно как и божества, были греческие, а потому и римская религия приобретала все более греческий характер. Главных римских богов отождествляли с греческими: Юпитера с Зевсом, Юнону с Герой, Минерву с Афиной Палладой, Венеру с Афродитой, Диану с Артемидой, Цереру с Деметрой, Марса с Аресом, Меркурия с Гермесом и т. д.

Чтобы придать своему царствованию больше блеска, Тарквиний, выполняя обет, данный отцу, украсил Капитолий великолепным храмом, посвященным главным богам, покровителям и союзникам Рима — Юпитеру, Юноне, Минерве. Строители были привезены из Этрурии, а потому и план, и характер храма оказались этрусскими, что, однако, римлян не шокировало. Тарквиний осуществил и другие нововведения: прежде Рим не знал изображений богов в виде человека, божество было лишь воплощением неких таинственных сил; в новых храмах появились статуи Юпитера, Юноны и Минервы — пластическое воплощение образа богов, характерное для греческого искусства, что еще более сближало эти два мира.

Мало того, для укрепления будущего своей власти Тарквиний отправил посольство в Дельфы, город, который уже в VI в. до н. э. достиг вершины славы; в качестве послов он направил туда своих сыновей и племянника, Луция Юния. Это был осторожный человек: видя, что царь старается избавиться от людей умных и влиятельных, Луций притворился простоватым, за что и получил прозвище Брут («Простак»). Такое мнение о нем позволяло Бруту жить в царской семье без опасений и зорко присматриваться ко всем и всему. Итак, Тарквиний назначил его сопровождать сыновей. Те взяли с собой богатые дары для Аполлона Дельфийского; то же сделал и Луций, но он взял с собой в качестве дара золотой брус в обычной оправе из рога — своего рода отражение его собственной души. После выполнения отцовского поручения царские сыновья, стоя у алтаря перед храмом, объявили жрецам, что хотят задать богу еще один вопрос от себя. Вручив роскошные дары, они попросили жреца узнать у бога, кто из них унаследует царскую власть. Брут также протянул свой дар, что вызвало у царевичей громкий смех. Взяв дары, жрец исчез внутри храма, а через минуту явился с ответом: «Тот, кто первым запечатлеет поцелуй на лице матери». Брут упал на землю, чем еще больше рассмешил царевичей. «Не станем ссориться, — сказал один другому, — вернемся в Рим и с помощью жребия решим, кто из нас должен первым поцеловать нашу мать».

Брут, однако, знал, что делает: притворившись, что упал неумышленно, он оставил легкий поцелуй на лице Матери-Земли.

В Риме тем временем росло недовольство Тарквинием. К его собственным преступлениям добавились преступления его взрослых сыновей, особенно старшего, С е к с т а. Однажды во время осады римлянами г. Ардеи, на пиру среди знатных молодых людей возник спор, чья жена красивее и добродетельнее. Т а р к в и н и й К о л л а т и н (Tarquinius Collatinus), родственник царевичей, утверждал, что нет никого краше и добродетельнее его Лукреции. Решено было проверить это в ту же ночь. Оседлав коней, все отправились в Рим, незаметно прокрались в царский дворец; везде шел пир горой — так царские невестки коротали время разлуки с мужьями. Затем молодые люди направились к дому Коллатина, в окна которого также ярко горел свет: там Лукреция в окружении слуганок пряла шерсть. Победа была признана за Коллатином.

Красота и целомудрие Лукреции зажгли преступную страсть в сердце Секста Тарквиния, проигравшего в споре. Не рассчитывая добиться взаимности, он решил овладеть ею силой. Лукреция не вынесла позора и в доказательство своей невинности покончила жизнь самоубийством. Весь Рим принял участие в похоронах. Все горевали по поводу ее преждевременной кончины и осуждали преступление царевича. Этим воспользовался Брут. Сбросив, наконец, маску шута, он вырвал кинжал из груди Лукреции и поклялся над ее телом не допустить царствования рода Тарквиниев. Он призвал и других дать такую же клятву. Своими словами и действиями Брут увлек всех. Царица Туллия бежала в лагерь к мужу, а вслед летели проклятия, напоминавшие ей преступление, совершенное в Злодейском переулке.

Когда Тарквиний, узнав о происшедшем, вернулся в Рим, он нашел запертые городские ворота. Римский народ, собравшись в соответствии с законом, провозглашенным Сервием Туллеем, на *comitia centuriata*, постановил признать монархию уничтоженной на вечные времена, а власть отдать двум ежегодно избираемым к о н с у л а м. Первыми консулами были избраны Б р у т и К о л л а т и н. Так исполнилось предсказание Аполлона из Дельф.

Это произошло в 510 г. до н. э., одновременно с изгнанием Гиппия из Афин и свержения там тирании.

II. БОРЬБА СОСЛОВИЙ

4

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕСПУБЛИКИ

Тарквиний Гордый не сразу отказался от надежды получить назад римский трон. Прежде всего он решил использовать влияние своих родственников в самом Риме; для этого он послал туда делегатов, чтобы они потребовали вернуть ему личное имущество. Мнения сенаторов в этом вопросе не были единодушны. «Мы изгнали тирана», — говорили одни. — «Но по какому праву можно отобрать у Тарквиния то, что ему принадлежит?» — вопрошали другие. — «Нелепо отдавать тирану богатства, которые он будет использовать против нас», — настаивали первые.

Дело затянулось, что было на руку делегатам. Пока сенат совещался, они договорились со сторонниками изгнанного царя. А таких было немало, особенно среди амбициозной молодежи из богатых семей. «Право?! — говорили они. — Право одинаково для всех, право неумолимо. А царь за верную службу наградит своих друзей». Так в Риме возник заговор для возвращения Тарквиния к власти.

Консул Брут, как мы помним, был родственником Тарквиниев. Его молодые сыновья помнили об этом родстве и без труда дали себя вовлечь в заговор. Но благодаря бдительности и хитрости одного из рабов заговор был раскрыт, заговорщики, в том числе и сыновья Брута, попали в руки консулов. Согласно римскому закону отец имел право судить и наказывать своих детей. Все напряженно ждали, что решит Брут. Он повелел прежде всего громко прочитать списки. Затем, обращаясь к сыновьям, Брут строго сказал:

— Тит, Тиберий, защищайтесь!

Юноши молчали. Трижды отец произнес свой призыв, но ответа не было.

— Итак, — обратился он к палачам, — исполняйте свой долг.

В те времена наказание за измену было чрезвычайно суровым: бичевание и смерть. Все произошло на глазах консула; он не дрогнул, не обронил ни одной слезинки.

Итак, заговор был раскрыт, и послам Тарквиния отказали; имущество царя признали собственностью государства. Пригородные поля посвятили богу войны Марсу, богу-праотцу и покровителю Рима; так возникло известное с той поры Марсово поле. Во время выборов здесь собирался народ по центуриям, здесь же проходили игры и гимнастические упражнения молодежи.

Родственников царя отослали к Тарквинию; по неизвестной для нас причине с ними уехал и Коллатин; вместо него вторым консулом рядом с Брутом был избран некий В а л е р и й. Он первый ввел законы, которые обеспечили существование республиканского строя в Риме. Особенно известен восстановленный закон Гостилия, согласно которому консул не мог приговорить к смерти римского гражданина, а должен был отдать его на суд народа (*provocabat ad populum*) — знаменитый «Закон Валерия о праве апелляции» (*lex Valeria de provocatione*). За этот закон Валерий получил почетное прозвище Публикола («Друг народа»).

Когда замысел изгнанного царя рухнул, он придумал новый план. В свое время Тарквиний, заключив ряд разумных союзных соглашений, объединил этрусков и латинов; теперь, с момента его изгнания, союз оказался перечеркнутым. Рим вновь стал своего рода небольшой общиной, каковой был при первых царях; а к услугам Тарквиния были силы и этрусков, и латинян. Сначала против римлян он направил войска из самого близкого к Риму этрусского города, полагая, что этого достаточно. Битва закончилась победой Рима, но консул Брут погиб в бою. Весь город оплакивал его героическую смерть; помня благородное поведение Брута при гибели Лукреции, римские матроны носили траур по нему целый год, как по родному отцу.

После поражения Тарквиний решил быть более осторожным и обратился за помощью в г. Клузий к могущественному царю этрусков, П о р с е н н е. На этот раз успех был на стороне Тарквиния, и грозная армия Порсенны отбросила римлян к самому Тибру и заняла холм Яникул на правом берегу. Это как раз то самое место, где, согласно традиции, несколько столетий спустя был распят апостол Петр. Сейчас там стоит посвященный ему костел, а из портика открывается изумительный вид на царский город.

Левобережный город в то время соединялся с холмом деревянным мостом. Побег римлян был столь стремителен, что они не успели разрушить

за собой мост и этруски чуть не прорвались за ними на левый берег. В последнюю минуту положение спас римский воин, Гораций. Став с двумя товарищами поперек моста, он крикнул остальным перерубить крепление у левого берега. Горацию выкололи пикой глаз, но он сражался до тех пор, пока опора моста не рухнула в воду. Когда дело было сделано, он с молитвой бросился в волны и вплавь добрался до своих. Одноглазый Гораций получил прозвище «Коклес» (греч. «одноглазый»); это почетное прозвище перешло и на весь его род.

Порсенна решил осадить город, а в те времена осада длилась очень долго. Осажденные римляне оказались в очень тяжелом положении. Один знатный юноша, Гай Муций, чтобы положить конец осаде, задумал убить царя неприятеля. Надев вооружение убитого этруска, он проник в палатку Порсенны как раз в ту минуту, когда казначей выплачивал денежное довольствие воинам.

Казначей был богато одет, и Муций решил, что это и есть царь. Он встал в очередь, а когда казначей давал ему деньги, быстрым ударом кинжала пронзил ему грудь. Разумеется, его сразу схватили и все раскрылось. Муций ничего не отрицал, но категорически отказался назвать своих сообщников. Когда царь стал грозить пытками, в ответ — увидев близости алтарь с огнем, — Муций положил на него правую руку; сжав зубы и смело глядя на царя, он мужественно переносил чудовищную боль.

Потрясенный Порсенна приказал освободить Муция, и тогда тот сказал: «Мы, триста юношей, поклялись, что убьем тебя; на меня первого выпал жребий, теперь очередь других».

После такого признания Порсенна предпочел снять осаду. За свой подвиг Муций получил прозвище Сцевола («Левша», Scaevola). Род его просуществовал долго и прославился не одним государственным мужем, деяния которых для прославления законности и справедливости были не менее тверды и полны самопожертвования.

Но Тарквиний еще сопротивлялся. Теперь на римлян он бросил латинов, но и это оказалось напрасным. Наконец смерть положила конец его беспокойной жизни. В 496 г. до н. э. Рим навсегда был избавлен от тирании.

5

СВЯЩЕННАЯ ГОРА

Смерть Тарквиния, избавив Рим от одной проблемы, высветила иную, ставшую для героического города источником многих страданий и тревог.

*Золотая подвеска в форме головы бога Ахелоя.
Конец VI в. до н. э. Париж, Лувр*

Правящим сословием в Риме была социальная группа, которая вела свой род от тех граждан, что основали город вместе с Ромулом, или тех, кто перебрался сюда вместе с Титом Тацием, или живших там со времен Тулла Гостилия. Как потомки «отца рода» (*patres*), они называли себя *патрициями* (*patricii*). Кроме них, благодаря естественному росту города, здесь оказалось много переселенцев, прибывших в эти места и по собственной воле, и принудительно, когда римский царь захватывал или разрушал соседние города. Это был так называемый *плебс* (*plebs*), то есть «наполняющие» город массы народа. Поначалу плебс не имел гражданских прав.

Итак, положение плебеев разного происхождения было, естественно, различным. Прибывшие добровольно искали покровительства у какого-нибудь рода патрициев и как только его получали, становились «клиентами» (*clientes*) данного рода; не имея другой связи между собой, кроме родовой, они, конечно, его поддерживали, поскольку их личное благополучие зависело от мощи данного рода. Иным было положение насильственно переселенных; переселенные царем, они становились клиентами царя. В тот момент, когда царская власть была уничтожена, клиентела распалась, а с нею рухнула и всякая связь между ними и патрициатом. Все эти люди, разумеется, будучи часто из одной местности, были связаны и между собой. Вот этих бывших царских клиентов и принято называть плебеями в узком значении данного слова.

Пока был жив Тарквиний, с ними обходились относительно неплохо. Валерий Публикола признал всех плебеев гражданами и даже принимал в сенат наиболее влиятельных и богатых из них. Это были так называемые *conscripti*, т. е. «вместе записанные»; консул, обращаясь к этим сенаторам, называл их *patres conscripti*, «патриции и вместе записанные». Причина такого отношения понятна: бывшие клиенты царя легко могли начать сочувствовать своим бывшим опекунам. Но эти люди не обманули надежды патрициев, они мужественно сражались в римской армии и против этрусков, и против латинов.

Правда, бывали и притеснения: повод для него давали римские законы об обязанностях должников; кредитор имел право бросить должника в тюрьму, надеть наручники. Не раз на Форуме происходили душераздирающие сцены: сбежавшие из тюрьмы плебеи созывали граждан и показывали им шрамы на груди от ран, полученных ими в сражениях, а на спине — следы от ударов, полученных в тюрьме. Порой доходило до вспышек недовольства, в таких случаях консулы подавали в отставку, и один из них назначал на какое-то время диктатора; так воскрешалась в своей полноте царская власть без права апелляции (*provocatio*).

После смерти Тарквиния притеснения приобрели чрезвычайно жесткий характер; тогда доведенные до отчаяния плебеи отказались участвовать в военном походе. Диктатором был назначен упомянутый Валерий, он успокоил бунтовщиков, обещав, что закон о заключении в тюрьму будет снят. Но когда армия после победы над вольсками, эквами и сабинами вернулась в Рим, сенат не принял предложения диктатора. Тогда плебейская часть армии покинула город и заняла холм между Тибром и его притоком, Анио¹, угрожая основать там другой, плебейский, Рим.

¹ Совр. Аниене, или Тевероне. (Здесь и далее примечания переводчика.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕРТИКАЛЬ ЖИЗНИ

(Наброски к биографии Ф. Ф. Зелинского) 5

I. ЦАРСКИЙ РИМ

1. Основание Рима	25
2. Рим при первых царях	30
3. Тарквинии	34

II. БОРЬБА СОСЛОВИЙ

4. Первые годы Республики	42
5. Священная гора	44
6. Кориолан	48
7. Цинциннат	52
8. Децемвиры	55
9. Новые завоевания	59
10. Камилл	62

III. ОБЪЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

11. Первая Самнитская война	71
12. Вторая Самнитская война	74
13. Квинт Фабий и Аппий Клавдий	80

14.	Третья Самнитская война	81
15.	Тарент	84
16.	Пирр, царь Эпира	85
17.	Пирр и Фабриций	88
18.	Смерть Пирра	91

IV. КАРФАГЕН

19.	Прошлое Карфагена	94
20.	Мамертины	97
21.	Первая Пуническая война	99
22.	Гамилькар Барка	104
23.	Галлы	106
24.	Баркиды в Испании	107
25.	Начало Второй Пунической войны	110
26.	Тразименское озеро и Канны	113
27.	Ганнибал в Капуе	117
28.	Архимед	121
29.	Сципионы в Испании	125
30.	Гасдрубал Барка	128
31.	Победа Рима	130

V. ГРЕЧЕСКИЙ ВОСТОК

32.	Деметрий Полиоркет	137
33.	Менандр	154
34.	Александрия	161
35.	Разгром галлов	170
36.	Пергам	178
37.	Греческая школа	187
38.	Возрождение Спарты	194
39.	Восток в период Ганнибаловых войн	204

VI. ЭПОХА СЛАВЫ

40.	Римская держава	210
41.	Эллинизм в Риме	215
42.	Фламинин	221
43.	Братья Сципионы	229
44.	Тысячелетие Трои	239

45.	Эмилий Павел	245
46.	Маккавеи	255
47.	«Ceterum censeo...» («А кроме того, я полагаю...»)	260
48.	Сципион Младший	267

VII. ЗАКАТ

49.	Римское общество	274
50.	Братья Гракхи	285
51.	Юг и Север	300
52.	Гай Марий	313
53.	Италики и Рим	320
54.	Митридат Евпатор	328
55.	Первая Гражданская война	335
56.	Сулла Счастливый	344

VIII. КОНЕЦ РЕСПУБЛИКИ

57.	Серторий и Лукулл	351
58.	Спартак	361
59.	Помпей Великий	368
60.	Заговор Катилины	381
61.	Первый триумвират	393
62.	Цезарь	402

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН	415
------------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ к биографическому очерку о Ф. Ф. Зелинском, написанное его дочерью Ариадной Фаддеевной	425
--	-----

